

АКТУАЛЬНАЯ НОСТАЛЬГИЯ

Эдуард и
сестра —
1998. март
(и 9). — 46.

Модерн сиял. И было в нем что-то мучительно знакомое. Хотя строительную пыль еще не смели до конца, а публика еще не обтопталась, не обдышала и не освоила путаных переходов, эскалаторов и тупиков впервые впускившего ее концертного зала Российской академии наук, что на Ленинском проспекте.

Обилие мрамора и злата производило какое угодно впечатление, кроме впечатления от искусства, каковым раньше считалась архитектура. Пока еще блестящий мрамор ступеней и полов, торчащая отовсюду позолоченная фурнитура больше походила на ванную нового русского: все время ждешь, что где-то обязательно окажется пресловутая джакузи.

Но напоминало все это не новорусские прибаласы, а что-то иное, более древнее. Латунную роскошь КДС, «стиляги среди дворян» — совместное творение Посохина-старшего и Никиты Сергеевича, эпоху позднего реабилитанса и расцвета Колмановского.

И вот они как-то странно сошлись: замшелая беспомощность архитекторов, застрявших в так и не отмеченных Богом представлениях сорокалетней давности, и автор песенок тех же лет. И выяснилось, что эфемерные звуки гораздо живее и ближе. Более того, со временем они стали еще живее, еще ближе, еще теплее, и еще нужнее.

«Алеша», «Бирюсинка», «Вальс о вальсе», «Жизнь моя кинематограф», «Тишина», «Я люблю тебя, Жизнь», «Хотят ли русские войны?»... — я все 190 строк могу заполнить названиями песен Эдуарда Колмановского, и тех не хватит. Но главное — они все известны. Настолько, что легче запомнить песню, чем ее автора. Когда одна из них зазвучала в исполнении очаровательной Анны Литвиненко, мой сосед ошеломленно проговорил: «Господи, и это его песня? А что же написали другие?»

У любимых песен каждый день юбилейный

Другие написали тоже массу песен, проходящих сейчас в странной номинации «Старых песен о главном». Но Эдуард Савельевич это все-таки «особь статья».

Один из выступавших очень точно заметил, что народность песни не в постоянном звучании где бы то ни было, а в укорененности в сознании. «Из-за острова на стрежень», «Священный Байкал», «Полушко-поле» и прочие не звучат из каждого репродуктора, а кто сомневается, что это народные песни, хотя последнюю написал Лев Книппер.

Народность, как известно, давняя официальная доктрина, освященная именами графа Уварова и товарища Жданова. Но со странным постоянством представления народа и его предводителей об этой самой народности в корне расходились.

Какую песню Колмановского ни возьми, ее в любой аудитории тут же подхватят и споют от начала и до конца. Даже такой, казалось бы, официальный, как «Хотят ли русские войны?». А я помню, как чуть ли не в «Правде» кто-то гневно возмущался, как это композитор посмел такую тему передать в ритме и мелодии... танго. Со всеми вытекающими отсюда выводами относительно влияния буржуазной культуры. Сейчас это смешно вспоминать. Но тогда, я думаю, Эдуарду Савельевичу было не до смеха.

Но времена все-таки уже были другие. «Мишки», «Ландыши», «Бирюсинки» оказались посылней. **Народ перепел идеологов.**

И вот время прошло еще дальше. Все изменилось еще больше (кроме, как замечено, фантазии архитекторов). Достроили задуманный еще при «совке» комплекс АН и Концертный зал при нем. (Несмотря на всю его пугающую роскошь, сам зал удобен, и акустика в нем хорошая). С чего начать его жизнь?

Алексей Черный — известный более как та-

лантливый композитор (и, к слову, блистательный аккомпаниатор), взвалил на себя ношу директора и худрука нового центра культурной жизни. А коль скоро это так, то выбор премьерной акции был почти предreshen. Московская публика помнит его концерты, посвященные советским песням (программы: «Всесоюзный Дом композиторов», «Три поколения с Эдуардом Колмановским»). А тут и юбилей подоспел — 75 лет.

Однако новоиспеченный худрук отчасти рисковал, выбрав для презентации программу с подзрительно советским названием «Я люблю тебя, Жизнь!». А потому разослал билетов «с походом».

Пришли все! И весьма вместительный новорожденный зал был забит под завязку. Люди сидели на всем, на чем можно было сидеть, поскольку мягких и удобных кресел, как пряников, не хватило на всех. Респектабельный канал «Культура» почему-то увидел в этом недомыслие, недоработку и неуважение к зрителю, причем, преподав это как чуть ли не главную особенность юбилейного вечера. А подумать о том, что при повсеместном убеждении в засилье попсы и в потере интереса к прошлым ценностям вполне естествен страх, что никто не придет на какого-то советского классика, в голову критикам не пришло. Как не пришла и простая мысль увидеть, оценить и поддержать живые все-таки традиции и, как уже не раз подтверждалось, верную любовь к мелодичной песне. А потому старая песенная гвардия: Фельцман, Аедоницкий, Ваншенкин, Пахмутова, Фляковский, Лядова, Казенин, Галахов, Саульский, — пришедшая почтить память коллеги и друга, была откровенно счастлива. Но особенно обилием молодежи.

— Ты знаешь, — сказал мне однажды мой тридцатилетний (а следовательно, сложившийся уже полностью в перестроечные времена) компаньон, — увидишь иногда какую-нибудь ерунду из старой хроники, типа приветствия съезду, знаешь, что бред, а уши отдыхают. Вся эта попса начинает надоедать.

А я вспоминаю все эти старые песни, время, когда они впервые зазвучали. И понимаю, что были они вовсе не «о главном» в смысле официальных установок. Некоторые из них и мне поначалу казались пошловатыми (особенно в некоторых исполнениях). И вообще здесь интересно и важно то, что первые исполнения устаревают, а сами песни находят новых исполнителей в следующих поколениях и как бы молодеют, «лучшеют» вместе с ними. И становится ясным, что были они действительно о главном, но о другом: о наших простых, очень интимных, очень незамысловатых, а потому вечных, мыслях и переживаниях.

О «главном» гремели из уличных рупоров: «Сегодня мы не на параде, а к коммунизму на пути, в кому нести чего бригаде, с нами Ленин впереди», или такой шедевр, когда на музыку положили целую строку из Программы КПСС: «Мир, труд, свобода, равенство, братство и счастье».

А дома, на рядовых концертах, во всяких безыдейных «Огоньках» пели песни простые. Хотя надо честно признать, что Колмановский, а также Александра Пахмутова, сумели совершить почти что чудо: написать песни совершенно официозные, но которые все мы охотно и с удовольствием пели под гитару и дома, и у костра.

Все просто. Андрей Андреевич Жданов высказал в общем-то правильную мысль, да и не ему она принадлежала: душа музыки — мелодия. Он только думал, что мелодию и слова можно продиктовать из Политбюро ЦК ВКП(б).

А надо всего лишь любить жизнь и людей. Это так просто. И быть талантливым, как Эдуард Савельевич Колмановский. Это посложней. Но талантами мы пока еще богаты.

А потому мой совет директору-композитору А. Черному: возвести в репертуарный принцип монографические концерты песенной классики и вывести на сцену остальных гвардейцев, которые в тот вечер сидели в первом ряду. Не дожидаясь их юбилеев. У любимых песен каждый день — юбилейный.

Николай ЖУРАВЛЕВ